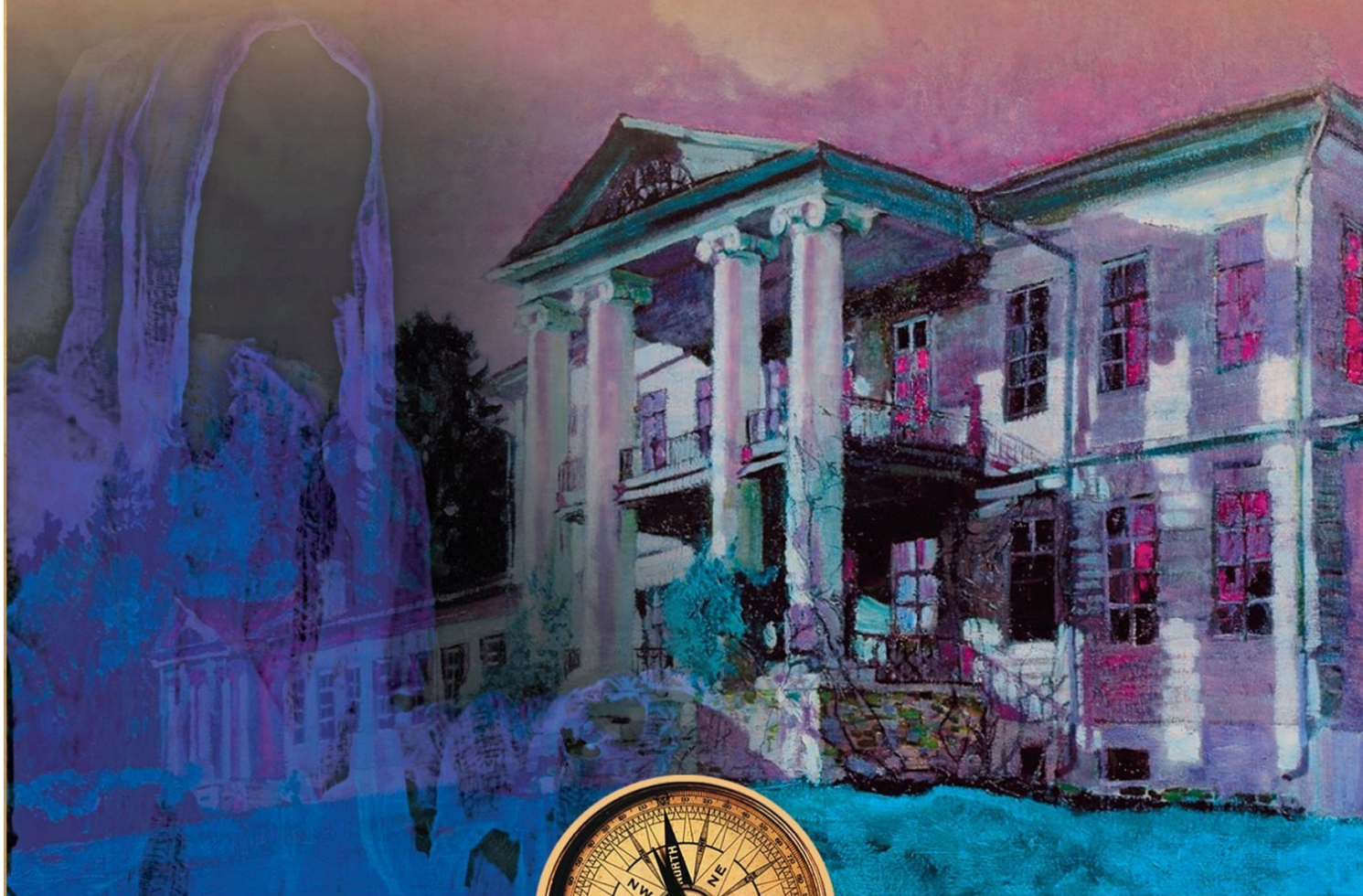

А.В. Волков

ПРИВИДЕНИЯ РУССКИХ УСАДЕБ

ТАЙНЫ • ЗАГАДКИ • СЕНСАЦИИ

Тайны. Загадки. Сенсации (Вече)

Александр Волков

Привидения русских усадеб

«ВЕЧЕ»

2019

Волков А. В.

Привидения русских усадеб / А. В. Волков — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Тайны. Загадки. Сенсации (Вече))

ISBN 978-5-4484-8434-6

Привидения обитают не только в Англии. Издревле русские кладбища населяли мертвецы, колоритом не уступающие кельтским и норманнским чудовищам. В конце XVIII века, с пробуждением интереса к западноевропейской мистике, к страшным народным призракам добавились благопристойные дворянские духи. Свои взгляды на посмертные визиты были у монашества и белого духовенства. Под влиянием этих идейных течений сформировался комплекс преданий о русских привидениях: деревенский и городской фольклор, дореволюционная проза и поэзия, духовная публицистика. Многие легенды варьируют знакомые нам по Англии сюжеты, подчиняющие мир духов моральным принципам, светскому этикету, личным чувствам, политическим страстям. Но многие настолько богаты по содержанию, что им позавидовали бы и англичане: живые памятники, подземные ходы, проклятия архитекторов, нечистые места, ужасы зазеркалья и др. Привидения сделали неотъемлемой частью отечественной культуры, но авторитетного отношения к ним пока, к счастью, не выработано. Поэтому читатель волен смеяться над глупыми байками, вздыхать над любовными трагедиями, внимать назидательным притчам или содрогаться от загробных кошмаров. Он волен верить или не верить.

ISBN 978-5-4484-8434-6

© Волков А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вступление	7
Часть I	10
Народные привидения	10
Привидения и духовенство	19
Привидения и пушкинское дворянство	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Владимирович Волков

Привидения русских усадеб

© Волков А.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Вступление

*Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.*

Рубцов Н.М. Зимняя ночь

«Чем мы хуже Запада?» – назойливо жужжит телеэкран, дипломатично вопрошает пресса, нецензурно бурлит сетевой ресурс. К этому могучему хору присоединился и мой скромный внутренний голос – или то был зов свыше? – сразу же по окончании книги «Из жизни английских привидений». За неполных сто лет мы привыкли выдавать чужое за свое. И коммунизм, и либеральная демократия кажутся нам исконно русскими, едва ли не православными явлениями. Так чем наши призраки хуже?

«Но позвольте! – возразит новый русский патриот, счастливый обладатель иномарки и квартиры с евроремонтом. – Этот буржуйский феномен вызван обилием пролитой крови и тамошними родовыми традициями. А у нас ни того ни другого почитай что не было...»

Ну, по части кровавых изысканий в глубинах собственного прошлого мы англичан за пояс заткнем. Власть мы попинали наших предков за последние два столетия! А что касается традиций... Разве предания о призраках – достояние аристократии? Да, английские духи предпочитают родовые гнезда. Но заселила их туда народная молва, охотно поддержанная нынешними владельцами этих гнезд. Древние же привидения обитали не в замках. И если вспомнить о них, об этих древних монстрах, окажется, что на Руси их гораздо больше, чем в Англии.

Вы же не думаете, что привидение – это всего лишь бесформенная фигура, томно плывущая среди развалин на глазах у юноши-романтика, склонного распознавать в ней идеал вечной женственности или невинную жертву чьих-нибудь страстей? Даже в Англии, как мне, надеюсь, удалось показать, такие фигуры возникли не ранее XVII столетия, а в Российскую империю они точно прилетели из-за границы (транзитом через Германию) и точно – благодаря дворянству. Наши же родные призраки скорее напоминают средневековых английских чудовищ или привидений М.Р. Джеймса. И появились они на свет независимо от западной традиции. Сие объективное свидетельство об испытанном русским народом кошмаре, том самом, что довелось изведать кельтам, саксам, норманнам...

Конечно, персонажами деревенского фольклора содержание данной книги не исчерпывается. Я не собираюсь писать очередной путеводитель по старорусской нечисти, какой бы ужас ни вселяла она в сердца дорогих россиян. Предлагаемые читателю истории о призраках – плод долголетнего синтеза народных преданий, церковных поучений, дворянских и интеллигентских заимствований, литературных опытов.

Я вынужден вновь констатировать отсутствие в русском языке ясно выраженных терминов «привидение», «призрак», «дух». На Руси первые два слова вошли в обиход довольно поздно, а третье по отношению к загробным визитам практически не употреблялось. В народе мертвецов называли мертвецами, даже если их тела (или то, что казалось телом) проявляли признаки жизни.

Словарь академии Российской в XVIII в. нарекал «бестелесное существо» духом, то есть обитателем горных высот, и в соответствии с тогдашними идеалами наделял его «разумом и волей». Привидений авторы словаря вообще не признавали. Это «сновидение, сон, мечта», ничем не отличающаяся от простых видений. В.И. Даль тоже считал привидение разновидностью видения («мана, морок») и лишь в особых случаях определял его как «призрак человека

отсутствующего или же умершего». Он подчеркивал недоступность для нас «невещественного мира», в котором обитают духи («бесплотные жители»).

В XX столетии привидение отделяется от видения, но призрак остается в близком родстве с ним. В словаре Д.Н. Ушакова слову «призрак» придается некое возвышенное значение (ведь именно в таком виде бродил по Европе коммунизм) – «видение, образ чего-либо», а отделенное от него «привидение» третируется как измышление людей суеверных. Вместо «милых теней», «младых призраков» (А.С. Пушкин) и упомянутого европейского бродяги эти невежи лицезреют всяких «отсутствующих существ». Характеристика «бесплотное сверхъестественное существо» накрепко привязывается к понятию «дух», а к духу религиозному милостиво добавляются теософские и спиритические духи.

*Русалка. Иллюстрация И.Я. Билибина (1934).
Одно из немногих изображений настоящей русалки*

С.И. Ожегов вновь сближает привидения и призраков – и те и другие, к примеру, бродят в старых замках. Призрак по-прежнему «мерещится и видится», а привидение, хотя и порождается «болезненной фантазией», играет важную роль в сказках и мистических представлениях. Наконец-то привидению отвели место в культурном наследии!

Малый академический словарь русского языка прямо называет призрак привидением, но в чрезвычайно широком спектре: «образ», «смутное очертание», нечто «намечающееся в будущем», «мираж» и т. п. В свою очередь, привидение именуется призраком, но призраком *только* человека (отсутствующего или умершего) с традиционной оговоркой о «большом воображении» и «мистическом настрое» людей, его видящих.

Напомню, что древнеанглийский термин *gāst* имел другое значение и с человеком отнюдь не ассоциировался. Привидение – это не обязательно дух умершего человека и далеко не всегда антропоморфное по виду существо. Отраженному в словарях восприятию привидения (призрака) мы целиком обязаны нашему дворянству и интеллигенции. Крестьянам беспокойные мертвецы представлялись чудовищами, а не бесплотными тенями. Восточные монахи называли привидениями злых духов, принимавших всевозможные обличья. Однако к моменту пробуждения у русских дворян интереса к потустороннему миру в самой Англии, как и по всей Европе (в Германии особенно), об истинной природе привидений давным-давно позабыли, предавшись воздыханиям о скитающихся душах.

Поэтому правильнее будет в наших рассуждениях придерживаться плана, выработанного в книге об Англии. Такой подход поможет нам выявить и черты сходства, и принципиальные различия между русскими и английскими привидениями. Пристального внимания заслуживают те случаи, которые не имели аналогов в Англии: ожившие статуи (памятники), отражающиеся в зеркалах покойники, посмертные визиты по обещанию и т. д.

Мы должны почти полностью опустить явления святых – у нас они не считались привидениями. Для отрекшихся от культа святых англичан нет существенной разницы между Томасом Бекетом, стучащим крестом по воротам Тауэра, и Генрихом VIII, объявляющимся в королевских резиденциях. Невольно приходит на ум аналогичная русская пара – митрополит Филипп (Колычев) и Петр I. Убиенный святитель приходит к болящему серебрянику, когда тот «несколько забылся» (ниже мы скажем о смысле таких фраз), и исцеляет его, представившись: «Я митрополит Филипп, что в Соловках». Великий реформатор, кроме прогулок верхом по улицам Петербурга, показывается в нескольких домах. Но мы не имеем права сопоставлять две эти фигуры в их загробном бытии.

Нельзя во всем полагаться на народную традицию, возводящую большую часть нечистой силы к душам тех, кто умер неестественной смертью. Таких персонажей, как леший, домовый, русалка, огненный змей, мы безболезненно исключим. Скрепя сердце исключим и вампира (упыря), хотя на востоке Европы он гораздо теснее связан с «ходячими» покойниками, чем в Англии. Славянским вампирам будет посвящена отдельная книга. А вот призраков животных мы коснемся, равно как и некоторых демонов (вне пределов житий святых). Они не вписываются в словарные статьи, зато соотносятся с западноевропейскими легендами.

Часть I Привидения и общество

*Соотечественники!
Страшно!..
Гоголь Н.В. Завещание*

Народные привидения

Народные представления об «оживших» мертвецах делятся на две группы. Первая включает в себя описания встреч с благодушными покойниками, прежде всего с родными и близкими. Эти представления сравнительно поздние. Возникнув параллельно западным фантазиям о духах чистилища, они были с легкостью усвоены дворянами и обрели вторую жизнь в наши дни.

Русский вариант западного чистилища – так называемые мытарства (хождение по мукам) души в течение сорока дней после смерти. В это время душа пребывает в различных частях дома – окно, стены, красный угол, печь, труба, порог, чердак (последнее очень близко английскому фольклору) – или на кладбище, а также скитается по оврагам и горам, искупая собственные прегрешения. Такая душа либо недоступна взорам живых – о ее присутствии возводят звуки или чувство беспокойства, либо имеет облик смутной бестелесной фигуры, в которой угадываются знакомые черты.

Поминки на деревенском кладбище.

Картина А.И. Корзухина (1865)

Удивляет сходство рассказов о блуждающих душах со средневековыми «примерами», предваряющими догмат о чистилище. И здесь, и там душу влекут к земле горе близких людей, осиротевшие дети, неоконченные дела, не исполненное родными желание умирающего, неулаженная ссора, невозвращенный долг и т. п. Как и героям «примеров», нашим мертвецам чего-нибудь недостает – еды, одежды, денег и даже сигарет. Цистерцианский монах требует от настоятеля облачения, без которого не пускают в рай, а муж русской крестьянки – ремня, чтобы не обронить штаны на том свете.

Нужные предметы кладутся в гроб свежему покойнику, и тот снабжает ими своего товарища. Еду в гроб не кладут, очевидно, боясь, что загробный курьер на нее польстится или она испортится во время сорокадневных странствий. Чаще остальных досаждают своим матерям юные модницы, заказывающие им тапки, туфельки, платья. Такого рода заказы лучше класть в гроб к мужчинам – девичьи тряпки им точно ни к чему.

Обувь и верхнюю одежду привидению унести не под силу, но покушать и попить оно может самостоятельно, поэтому хлеб, воду, мед, соль оставляют для него на божнице или на подоконнике иногда вместе с ложкой. В поминальные дни еду относят на кладбище. Совсем недавно к ней присовокуплялась стопочка водки, и к концу дня, после ухода родных, на погост тянулись, по выражению протоиерея Михаила Ардова, «инога рода посетители», не оставляющие бедным покойникам ни малейших шансов на духовное исцеление. На деревенские кладбища родные ничего не приносили – здесь наблюдался избыток вечерних посетителей, – и обитатели могил по ночам сами бегали за водой и прочими яствами, возвращаясь на место с криком петуха.

Во всех этих фантазиях проявилось хорошо знакомое нам по Англии желание опустить небо на землю. Если бы того света не существовало, его следовало бы выдумать в наименее отвлекенной форме – с земными страстями и привязанностями, нуждами и слабостями. Вот почему дворянам, погруженным в земные утопии, приглянулись добрые мертвецы. Детали их посмертного существования вплоть до милых безобидных нелепостей (кормежка предков, уход покойной матери за живыми детьми, загробная почта) *очень человечны* – они таковы, каков окружающий нас мир.

Однако среди крестьян бытовали и другие представления, вызывавшие гнев и презрение образованных слоев общества. Писатели вроде А.А. Коринфского стремились всячески затушевать предания о «ходячих» мертвецах в угоду передовой российской интеллигенции, и так-то «страшно далекой» от народа: «Находятся и теперь такие дотошные всезнаи, что за верное передают рассказы о будто бы не принятых землею нераскаянных злодеях»¹. Но «всезнаи» были осведомлены об исторических корнях лучше уездных лекарей и салонных дам. Скупая информация, почерпнутая из древнерусских летописей, ничего приятного от встречи с покойниками не сулит.

¹ Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1901. С. 702.

*Похороны знатного руса.
Картина Г.И. Семирадского (1883)*

В заметках Ахмада ибн Фадлана, путешествовавшего по Руси в X столетии, содержится описание обряда погребения знатного руса, который завершается так: «Потом подошел ближайший родственник (этого) мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю... зажженная деревяшка в одной его руке, а другая его рука (лежала) на заднем проходе, (он) будучи голым, пока не зажег сложенного дерева (деревяшек), бывшего под кораблем». По заключению этнографов, родственник разделся для того, чтобы покойник не узнал его. Из тех же соображений он пятился задом и прикрывал самое уязвимое (узнаваемое?) место. Не будем уточнять, чем именно занимались тогдашние призраки, просто констатируем факт наносимого ими вреда.

Другое свидетельство – знаменитый отрывок из летописи 1092 г.: «Предивно было в Полоцке в ночи... стеная, по улице, как люди, рыщут бесы, а кто вылезает из дома, желая их видеть, бывает изранен бесами и от этого умирает. И не смели вылезать из домов. А в это же время начали являться днем на конях мертвые, и не было видно их самих, но только копыта их коней, и так избивали людей в Полоцке и близ него, что люди говорили: мертвые бьют полочан». Эти избивающие людей мертвецы (навьи), скорее всего, представляли собой бывших язычников, хотя академик Б.А. Рыбаков называл их «чужими, как бы (?) иноверческими духами»². Интересно упоминание о видимых глазу лошадиных копытах. В Англии мертвецы наверняка оседлали бы лишенных голов коней.

Даже к тем душам, что являлись на домашние поминки, в народе зачастую относились с подозрением, а приход покойного вне установленных сроков вселял тревогу и грозил бедой.

² Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. С. 35. Священник А.Н. Соболев тоже не допускал непочтительного отношения древних русов к своим предкам-язычникам. По его мнению, русский народ специально превратил их в домовых и русалок, чтобы не отправлять в ад. Нечего сказать – удружили дедушкам и бабушкам!

Заложный³ мертвец, то есть умерший скоропостижной или насильственной смертью, проклятый родителями или пропавший без вести, считался верным кандидатом в зловредную нечисть, а самоубийцы, колдуны и ведьмы превращались после смерти в настоящих чудовищ, по колориту ничуть не уступающих английским.

Посмертные визиты объяснялись двояко. К дохристианским верованиям тяготело мнение о том, что заложных покойников «Мать Сыра Земля» не принимает. Всякая дьявольская сила от крестного знамения и молитвы проваливается не иначе как «сквозь землю», не оскверняя святости ее недр (любопытный взгляд на строение земного шара). При этом в полном расхождении с церковной позицией нетление тела считалось дурным знаком – раз тело не гниет, значит, землеце оно не по нраву. Потому оно и не лежит в гробу, а ходит и пугает живых. Иными словами, не бесплотность, а телесность – главное свойство беспокойного духа, чья кульминация – упитанный, сочащийся кровью упырь.

³ Термин был популяризован Д.К. Зелениным в начале XX в. Предположительно он произошел от того, что подозрительные трупы не хоронили в земле, а закладывали, забрасывали разным мусором или обставляли досками и кольями.

Мертвые бьют полочан.
Миниатюра Радзивилловской летописи (XV в.)

Впоследствии под влиянием христианства возникло еще одно объяснение существования привидений, широко распространенное в Англии: они являются ввиду событий, случившихся с ними при жизни. Самоубийцы приходят к тем, кто не оказал им должной любви и поддержки. Убитые досаждают своим убийцам, нередко доводя их до раскаяния. Призрак мстит своему обидчику, расплачивается за свои земные страдания или просто завидует живущим и старается им навредить. На полную мощь звучит платоновский мотив земных привязанностей: мертвец следит за порядком в доме или беспокоится о зарытых сокровищах (стережет клад).

Прижились у нас и античные представления о непогребенных мертвецах, просящих об исполнении долга в отношении их останков. На Руси они вошли в противоречие с другим обычаем, согласно которому заложных покойников не хоронили в земле, а выбрасывали в пустынных местах или топили в озерной тине, болоте, реке. Этот старый обычай, порожденный тем же стремлением не осквернить землю (или защититься от призрака посредством воды), имел массовую поддержку. Практичный русский мужик готов был якшаться с привидением, требующим погребения, но не желал страдать от неурожая и засухи – последствий осквернения.

В итоге был найден своеобразный компромисс между двумя обычаями. Трупы стали зарывать на перекрестках дорог, на границе полей – в традиционных местах скопления нечисти, а не на общих кладбищах, дабы не обидеть почивающих там «родителей». Помимо моральной травмы, обида заключалась в том, что заложный мертвец начал бы нагло грызть их кости, лежащие по соседству.

К типично русским (славянским) представлениям надо отнести явления некрещеных душ, главным образом детей, ожидающих совершения таинства, а также службу у чертей, возящих на покойниках воду или пользующихся их услугами в других целях.

Леший и Баба яга.

Картина Н.А. Сергеева.

Чьи-то предполагаемые дедушка и бабушка

Кроме обливания водой, сжигания на костре, расчленения и вбивания осинового кола существовало несколько оригинальных способов защиты от привидений. На похоронах труп выносили из дома ногами вперед, чтобы он не увидел порога и не запомнил пути назад. На всякий случай по дороге на кладбище гроб с телом переворачивали кругом, сбивая покойника с толку. Колдуна клали в яму лицом вниз. Царапая когтями землю, он зароется глубже и не сможет выбраться наружу. Возле могилы рассыпали маковые росинки или зерна проса. Мертвец кинется их собирать и считать и провозится с ними до рассвета. По той же причине могилы заваливали ветками, клочками сена или соломы, щепками, камнями.

Мы опять имеем дело с будничным восприятием покойницкого жития. Труп завязывали глаза – так он ничего не увидит, подрезали пятки или набивали их щетиной – так он не сможет ходить. Гроб снабжался монетами, чтобы покойнику было чем заплатить за могилу, а дома ему выделялась доля – зарезанный баран, поросенок, ягненок, – чтобы он не «увел» все хозяйство.

Следует сказать пару слов и о некромантии. На Руси она не имела таких масштабов, как в Западной Европе, – русский человек с недоверием относился к услугам мертвецов. Тем не менее в книгах XIV–XVII вв. можно встретить осуждения «моления навьям (мертвым) в бане». Стоглав (глава 41, вопрос 26) возмущается тем, что в четверг на Страстной неделе люди жгут солому и призывают мертвых.

Не к этим ли обрядам восходит обычай «кормить» и ублажать гостей из иного мира? Призывы к предкам в поминальные дни напоминают заговоры. Например, крик в печную трубу или в окно: «Деду, иди к обеду!» или: «Вся умершая родня – сколько вас есть – приходите ужинать!». После трапезы столь же чинно и «деду», и вся неисчислимая родня выпроваживаются восвояси: «Деда святые, вы ели и пили, идите же теперь к себе» или: «Кыш, душечки, кыш, большие через дверь, маленькие через окно». Избави Бог послать в окно большую душу! Выломанной рамой ущерб не ограничится. Одна женщина, справляя годовщину свадьбы с покойным мужем, забыла налить ему стакан и чуть было не получила люстрой по голове.

Утопленник в деревне.

Картина Н.Д. Дмитриева-Оренбургского (1868).

В центре проводится официальное дознание; справа решают, что делать с подозрительным трупом

Призывы к мертвецам бывали и не столь бескорыстны. Колдун мог вызвать покойника из могилы для нанесения вреда своему недругу, употребив при этом предохранительное средство: очертить круг вокруг себя или встать на камень. В лесу у осины, обратившись лицом на запад, некромант просил всех «умерших, убитых, некрещеных и безыменных» встать и повредить такому-то.

Несмотря на множество курьезов, русский фольклор сохранил леденящие душу воспоминания о встречах с привидениями. Назову ряд призрачных существ, способных составить конкуренцию хваленым английским монстрам. Женщина в белом саване, которую не следует путать с туманной Белой дамой, обычно предвещает беду или болезнь. Молчаливая или причитающая высокая фигура в белом воплощает смерть и, показавшись на лесной дороге или под окнами дома, уводит за собой живых. Она может стоять неподвижно как некий явленный знак грядущей напасти, и тогда ее унылый вой производит особенно жуткое впечатление.

В белое может обряжаться и покойник-мужчина, а иногда это существо бесполо – фигура в простыне, возникающая при гаданиях, хохочущая, проваливающаяся сквозь землю или настойчиво преследующая свою жертву.

Еретик – это умерший колдун, встающий из могилы в полночь и скачущий по земле, а еретица – погребенная в провале ведьма в виде безобразной оборванной старухи. Упаси Господь оступиться в ее могилу! Мгновенно иссохнешь и будешь шататься вместе с ней по грязным оврагам и отплясывать по ночам в банях. Тела еретиков и еретиц претерпевают особенно гадкие метаморфозы, делаясь после смерти горбатыми, синими, покрытыми чешуей. Их глаза вырастают с коровьи, волосы седеют, а на ногах и руках отрастают длинные острые когти.

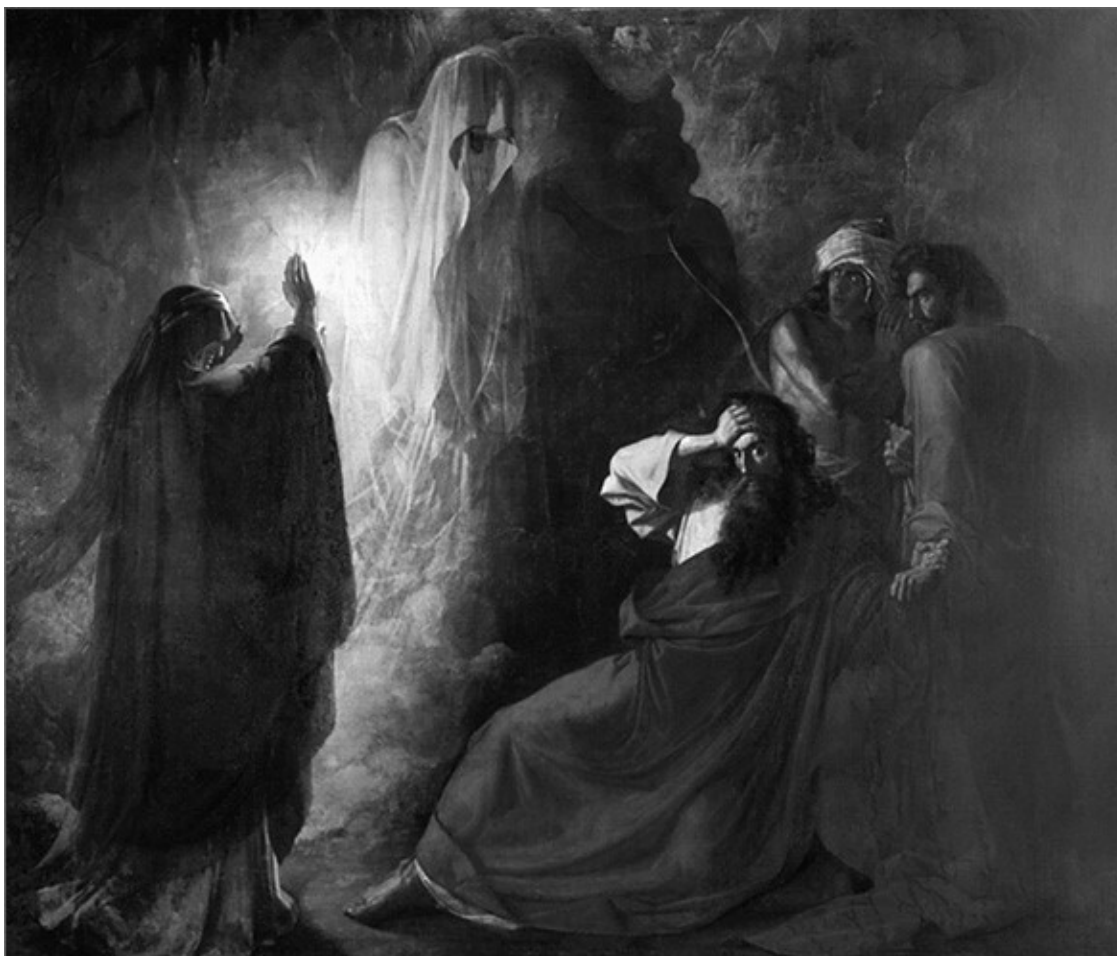
Наиболее опасен железнозубый (лесной) еретик – чудовище с железными зубами, живущее в глубине лесов и пожирающее заблудившихся путников. Но и на обычных кладбищах могут обитать мертвецы с железными зубами. У большинства из них при погребении руки были сложены крестообразно – не только ради благочестия, но и в качестве оберега. Такой мертвец не в состоянии действовать руками и вынужден пускать в ход зубы, которыми он подгрызает деревья подобно Бабе яге. Убежать от него крайне сложно – он хоть и не бесплотен, а носится быстрее лошади.

Ерестун способен проникать в дом, принимая на себя чужой лик или вселяясь в чужое тело на похоронах. Длиннющий и тоненький жердяй бродит по ночным улицам, заглядывая в окна, грея руки в трубе и пугая людей. Встречник передвигается по дорогам в виде столба пыли, «силой своей окаянной» убивая попавшуюся лошадь, а иногда и «человека расшибая». Умран, поднявшись из могилы, катается по земле белым шаром.

Игоша – это бывший младенец, некрещеный или мертворожденный, безрукий и безногий уродец, зарытый в подполье или около избы. Он по преимуществу озорничает, а не мучает и убивает, но сам вид его, надо думать, малоприятен. А вот с колокольным маном, сидящим по ночам на колокольне в белом или красном колпаке, лучше не связываться. Он может разорвать тебя на части, а если ты тронешь его колпак, будет преследовать всю жизнь, пока не придушит.

Привидения и духовенство

Раннее христианство не выработало единого мнения на предмет визитов с того света, что подтверждает святоотеческий анализ библейского эпизода с Аэндорской волшебницей, по просьбе царя Саула поднимающей из земли умершего пророка Самуила – «мужа престарелого, одетого в длинную одежду» (1 Цар. 28: 4—14). Иустин Философ приписывал волшебнице власть над «душами подобных праведников и пророков», а Тертуллиан уверял, что «душу святого (не говоря уж о пророке) с помощью демона призвать невозможно». Постепенно восточные отцы склонились к мнению Тертуллиана. Иоанн Златоуст, писавший об истинности явления духа Самуила, в другом месте уверял, что «невозможно блуждать душе, уже отделившейся от тела».

Аэндорская волшебница.

Картина Д.Н. Мартынова (1857).

Призрак Самуила представлен в виде традиционной для Руси высокой белой фигуры

Перед церковными пастырями стояла нелегкая задача. С одной стороны, они не могли отрицать подлинность явлений святых, рассказами о которых пестрели жития – любимое чтение христиан, обращенных из язычников. Так, молящиеся видели святого Игнатия Антиохийского, идущего к ним с раскрытыми объятиями после своей мученической кончины, а преподобная Афанасия Эгинская приходила с того света к сестрам своей обители, чтобы укорить их за небрежение к ее завещанию.

И если бы речь шла только о святых! Но нет – в число привидений угодили и рядовые миряне, и даже язычники. Герой «Пастыря Гермы» (II в.) видит свою возлюбленную госпожу, незадолго до того умершую, которая мягко упрекает его за прегрешения. Макарий Великий беседует с черепом начальника языческих жрецов и заставляет труп назвать своего убийцу (приемы, получившие развитие в западноевропейском фольклоре). Преподобный Бенедикт спасает двух умерших мирянок, чьи призраки грустно покидают храм на каждом богослужении в наказание за болтливость при жизни. Пресвитер из рассказа Григория Великого освобождает дух незнакомца, прислуживающий в общественной бане.

Некоторые житийные эпизоды хорошо согласуются с дохристианскими воззрениями. Например, в житии того же Бенедикта тело молодого монаха, пренебрегавшего при жизни благословением своего наставника, не принимается землей и извергается из гроба. Популярные русские жития («Пролог») наполнены историями, повторяющими католические «примеры». Покойный монах приходит к своему духовному отцу нагим и обгорелым как уголь, сетует на адские муки, исповедуется в грехах и просит о молитвах. По рассказу блаженного Кир Луки, некий князь вылезает, черный и обгорелый, из могилы на кладбище и умоляет раздать беднякам оставленные им деньги.

Икона «Святой мученик Никита побивает беса».

В иконописи бес имеет не белый цвет, как у ангела и человека, а черный, выражающий неполноту и ущербность

С другой стороны, существовала иудейская традиция боязливости отношения к визитерам из загробного мира. Иудеи знали о привидениях больше язычников, но старались о них помалкивать. Именно эту позицию заняло восточное монашество. Не вступая в богословские

дискуссии, монахи отнесли видения умерших и прочих духовных существ на счет вызываемых дьяволом иллюзий.

Наставления Антония Великого могли бы считаться руководством по борьбе с домовым или полтергейстом. «Демоны все делают, говорят, шумят, притворяются, производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят; а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные... не должно нам и бояться демонов... потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать». Предостерегает от излишнего страха и Афанасий Великий, который все же допускает возможность прихода святых к подвижнику. По его мнению, отличить святого от демона просто – надо лишь спросить: «Кто ты и откуда?» Этот вопрос смутит демона, и он мигом утратит свою силу. Святой же «претворит страх в радость».

Для нас очень важны замечания преподобного Антония о манере привидений «принимать на себя разные образы – жен, зверей, пресмыкающихся, великанов и множества воинов». Нил Синайский упоминает «безобразную и кровавую рожу», представляющую монашеским очам во время молитвенного подвига. Немало «рож» пришлось узреть святым отшельникам на протяжении двух тысячелетий христианства. Хватало их и на Руси. Например, в житии Серафима Саровского молящегося старца беспокоят звериный рев, воющие звери, встающий из гроба мертвец и невидимая толпа, которая швыряется громадными поленьями.

Приведу отрывок из повести И.С. Шмелева «Старый Валаам» (1935) о подвижничестве Дамаскина (Кононова), игумена Валаамского монастыря в 1839–1881 гг.: «В бурные осенние ночи дождь стучал по стеклу оконца, завывал в трубе ветер, гудел страшными голосами бор, а Дамаскин стоял на молитве... Иногда в ночи – говорит его житие – из озера поднимался кто-то страшный, с растрепанными власами, стучал в окно кельи, ломился в двери. Иногда тьма бесов плясала вокруг кельи, и келья содрогалась, как мельница». Этот озерный призрак, вероятно, то самое чудовище из гоголевского «Вия» – с перепутанными волосами, сквозь которые «глядели страшно два глаза»⁴.

Как трактовать визиты подобных существ мирянам, а не отшельникам, святые отцы не сказали. Почему-то мирские призраки казались им выдумками и вздором. Иоанн Дамаскин в трактате «О драконах и привидениях» (VIII в.) упоминает о таинственных гелудах, входящих в дом сквозь закрытую дверь, душащих младенцев и съедающих их печень. Байки о гелудах – не что иное, как еретические измышления, отвращающие простецов от «правого разума». Откуда такой скептицизм? Дело в том, что, если поверить в таких колдуний, получится, что, преодолевая запертые двери, «Господь не сотворил вовсе ничего [чудесного]»⁵. Но ведь воскресший Господь – это не дух, не имеющий «плоти и костей» (Лк. 24: 37–39), и Его проникновение в дом, где собрались апостолы, воистину чудесно. Гелуды же, судя по всему, только походят на женщин, а в действительности они – призраки.

Ступив на путь неприятия призрачных видений, православная Церковь шла по нему вплоть до XIX столетия, когда всплеск интереса к мертвецам заставил некоторых пастырей изменить свои взгляды. Вслед за католической схоластикой и протестантским «Духовным регламентом» православие усвоило и западное общение с иным миром. Людям так хотелось увидиться с родными и близкими!

Конечно, монашество по-прежнему не испытывало симпатий к привидениям. Даже в тех житиях, где описывалась помощь святых нуждающимся, они приходили не наяву, а во сне или в

⁴ Ср. с одним из привидений М.Р. Джеймса: «И тогда тот, кто лежал на полу, поднялся. Это был человек. К креслу он, по всей вероятности, подполз на животе. А вот лицо... разглядеть было невозможно – оно все целиком было покрыто волосами» (*Джеймс М.Р. Дневник мистера Пойнтера* / Пер. Т. Ждановой).

⁵ *Преподобный Иоанн Дамаскин. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники* / Пер. свящ. Максима Козлова. М.: Мартис, 1997. С. 223–225.

каком-нибудь промежуточном состоянии вроде «забытья» больного серебряника. А реальность сна при необходимости можно оспорить.

*Видение отроку Варфоломею.
Картина М.В. Нестерова (1890).*

Таких видений в житиях святых предостаточно. Но можно ли считать их визитами призраков?

На Афоне, всегда яростно противостоящем догматам западной Церкви, часто вспоминали Иоанна Лествичника, опровергавшего наличие третьего (среднего), кромерая и ада, местопребывания душ, разлучившихся с телом. Никодим Святогорец, чей главный труд был переведен на русский язык в XIX в., категорически исключал вероятность возвращения души на землю и называл предрассудком и мифом учение о сорокадневных странствиях.

Почти через сто лет после Никодима русский монах Митрофан, автор труда «Загробная жизнь» (1880), ссылаясь на Макария Александрийского, утверждал, что душа после смерти «скитается около дома, в котором разлучилась со своим телом, а иногда пребывает около гроба, в котором покоится ее тело». Однако земные скитания души Митрофан ограничил тремя днями, а потом она, в его представлении, должна вознестись на небо, миновав по пути туда мытарства. Где же именно донимают ее падшие ангелы? В воздухе, «неизмеримом пространстве между небом и землей». Фактически это и есть третье место, против которого восставали ортодоксальные греки. Интерес Митрофана к общению между живыми и мертвыми во многом поспособствовал росту популярности его книги.

Игумен Марк, духовник московского Симонова монастыря, в трактате «Злые духи и их влияние на людей» (1899) обрушился на спиритов, приписывающих необъяснимые феномены, которые Марк не отрицает, действию душ живших на земле людей: «По учению Слова Божия... души умерших никакой власти и самостоятельности не имеют (Иов. 27: 8; Лк. 12: 20). Это

ясным образом засвидетельствовано Иисусом Христом в притче о богатом и Лазаре... Итак, если не души умерших действуют в спиритизме, то мы должны признать, что это – действие дьявола».

Вот те отрывки, на которые ссылается игумен: «Ибо какая надежда лицемеру, когда возьмет, когда исторгнет Бог душу его?» (Иов. 27: 8); «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12: 20). Тем самым демонстрируется власть Творца над человеческой душой, но отнюдь не ее неспособность к действиям, попущенным Богом. В упомянутой притче (Лк. 16: 19–31) мучающийся в аду богач просит Авраама послать на землю умершего Лазаря. Естественно, Авраам отказывает богачу⁶. Но разве отказал бы ему дьявол, окажись он с Божьего соизволения на месте праотца? Увы, дьявол тоже в состоянии управлять душой, предавшейся в его власть и принявшей чудовищный или обманчивый вид.

Так мог бы рассуждать православный христианин, не верящий в иные потусторонние сущности, кроме Единого Бога, ангелов, бесов и душ умерших людей. Однако в XIX в. подобные рассуждения отдавали Средневековьем, ненавидимым всеми культурными людьми Российской империи. Эта ненависть просочилась и на страницы церковной прессы, в духе времени заменившей бесов дорогими сердцу покойниками.

В авангарде движения за реабилитацию привидений выступали архиереи, известные своей слабостью ко всяким светским диковинкам. Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический, говорил: «Из древних сказаний видно, что вера в бессмертие души постоянно соединялась с верою в явление умерших... Есть явления умерших или их действия, кои не подлежат сомнению, хотя они редки». Никанор (Бровкович), архиепископ Херсонский и Одесский, подчеркивал достоверность фактов явления умерших живым, признавая, правда, их несогласие с «установленным волею Божией обычным порядком вещей».

Монах Митрофан, предостерегая от «чувственного общения» с обитателями загробного мира, чьи образы принимают злые духи, тут же писал о явлении душ умерших живым, продолжаясь в «настоящее время по воле Божией», и приводил примеры таких явлений. Средоточием благочестивых анекдотов о призраках стали православные журналы «Странник» (1860–1917), «Душеполезные размышления» (1878–1887) и спиритический журнал «Ребус» (1881–1918). Мы не раз обратимся к ним в дальнейшем, здесь же я коснусь нескольких случаев из архиерейской практики встреч с привидениями.

В 1825 г. архиепископу Евгению (Казанцеву), возглавлявшему Псковскую кафедру, явились во сне покойные мать и отец, посоветовавшие ему перевестись в другой город. Владыка не внял их совету, и тогда к нему пришел умерший тринадцать лет назад митрополит Платон (Левшин), потребовавший его переезда в далекий Тобольск. Диалог умершего и живого, записанный в дневнике Евгения, вводит в трепет даже сейчас:

- «– Повинуйся, я тебе повелеваю именем Божиим!
- Повинуюсь, но к кому я пошлю просьбу?
- К Аврааму!»

По словам Евгения, он весь задрожал. Сообразив, наконец, что речь идет об архиепископе Аврааме (Шумилине), он облегченно вздохнул и проснулся, успев заметить выходящего из двери комнаты Платона.

Довелось столкнуться с привидениями и знаменитому московскому митрополиту Филарету (Дроздову). Сначала под окнами его резиденции собралась целая толпа усопших, которые ходатайствовали за некоего провинившегося священника, регулярно поминавшего их на

⁶ Авраам говорит об отправке покойника к живым: «Если бы кто из мертвых воскрес». А воскресенное тело, например тело другого Лазаря, брата Марфы и Марии, не может считаться ни духом, ни привидением. Так что притча о богаче и Лазаре к спиритизму неприменима.

литургии. Вспоминается средневековый «пример» о мертвецах – они хватают за ноги нерадивого пастора, игнорирующего поминальные молитвы.

В другой раз Филарет удостоился визита уже знакомого нам призрака митрополита Платона. Платон был в добродушном настроении и не требовал перевода Филарета в Иркутск или Холмогоры, а лишь просил его простить «прегрешившего отца Ивана». Пока очнувшийся Филарет гадал, кто такой Иван, его посетили император Александр I и фельдмаршал М.И. Кутузов, выступившие в защиту «храброго попа Ивана». Святитель бросился на колени, прося вразумления у Господа, и ему открылось, что Иван – это иеромонах (из вдовых священников) одного московского монастыря, который изрядно «заливал за воротник» и потому был запрещен в служении. Филарет вызвал к себе загадочного старца, и тот, шмыгая носом, признался, что знал всех троих: был любимым учеником Платона, благословлял Александра I и напутствовал перед смертью Кутузова. «Иди и не прегрешай более», – сказал ему митрополит Филарет, и иеромонах Иван по-прежнему стал священнодействовать, но от порока своего скоро совсем избавился». Так завершается сей душеполезный рассказ.

Не миновали архиереев и широко практиковавшиеся в высшем свете визиты в момент смерти. Призраков только что умерших юношей видели Платон (Городецкий), митрополит Киевский и Галицкий, и Нил (Исакович), архиепископ Ярославский и Ростовский.

Митрополит Платон (Левшин).

Портрет работы неизвестного художника (начало XIX в.).

В мире духов авторитет Платона был очень высок

Духовный писатель и бывший священник Д.Г. Булгаковский не только собирал сведения о встречах с привидениями, но и пытался их осмыслить. В полном согласии с идеалами английской Викторианской эпохи он отмечает, что призраки являются недолгое время спустя после кончины и преимущественно близким людям – родным, друзьям, знакомым. Они чрезвычайно благовоспитанны, не шумят, не буянят и даже стучатся в дверь – не потому, что не могут пройти сквозь нее (зря Иоанн Дамаскин переживал за чудеса Христовы), а чтобы никого не испугать внезапным появлением. В число вежливых привидений Булгаковский включает и заложных покойников. Единственное их отличие от остальных – маленькая и вполне простительная неопрятность: утонувшие носят мокрую одежду, убитые снабжены кровоточащими ранами и т. п. Об удавленниках автор, к сожалению, не договаривает, но, видимо, они приходят с петлей на шею.

Некоторые призраки общительны и многословны (викторианец Бульвер-Литтон, напротив, считал безмолвие главным признаком духов). Они жмут руку, целуются, заключают живых в свои объятия, ласково гладят их лицо и волосы, передают поклоны с того света и обратно – как на спиритических сеансах! Кто-то из призраков навещает близких для того, чтобы «уверить, что они снова свидятся в загробном мире, где соединятся навеки», а кто-то заводит беседу «с целью удостовериться тех, кто колеблется в вере или совсем потерял ее». Помните призрака у Дефо, который должен был «утешить миссис Баргрэйв в ее горестях и... ободрить ее набожными наставлениями»?

Есть те, кто предостерегает живых от непредвиденных опасностей, и те, кто открывает им день и час кончины. Большинство же призраков являются из чисто житейских соображений. Они заняты «тем, что поработало их мысль и чувство во время земного существования». Об этих духах надлежит усиленно молиться, помогая им подняться с земли на небо.

Все эти сантименты в пору их изложения (начало XX в.) англичанами всерьез уже не воспринимались (позднее они снова войдут в моду). Единственная оригинальная черточка у Булгаковского – какая-то неизвестная «миссия», о которой твердят призраки. Думается, она вызвана попыткой примирить загробное общение с мнением православных аскетов. «По милости Всевышнего мне самой разрешено объявить тебе о моей кончине» – так объясняет свой визит к жениху умершая невеста. «Я пришла к тебе против своей воли, – говорит графиня Германну (“Пиковая дама”), – но мне велено исполнить твою просьбу». Во втором случае нельзя быть уверенным, что именно Бог велел привидению обмануть картежника. Как, впрочем, и в первом.

Привидения и пушкинское дворянство

Наши первые дворяне истово склонялись перед Европой и уже потому не могли верить в привидений. Ведь к моменту формирования российского дворянства Европа в целом и Англия в частности переживали самый скептический период в своей истории – эпоху Просвещения. Британская аристократия вызвала всеобщую зависть (даже во Франции) благодаря своей независимости и благополучию. Эпидемия англomanии в России пришла на вторую половину XVIII столетия, и, конечно, наряду с родовой спесью русские дворяне переняли у англичан их скептицизм и служение прогрессу.

Заразившись страстью к просветительству, дворянство так и не сумело изжить ее вплоть до своего уничтожения. Его мистический настрой оставлял желать лучшего – я имею в виду интерес к древним знаниям и верованиям, а не посещение медиумов и ясновидящих. Превозношение над дремучим крестьянством, усвоенное затем интеллигентами и революционерами, мешало чуткому восприятию национальных традиций. В то время как оксфордские ученые, избавившись от предубеждений, трепетно изучали средневековые хроники, а прерафаэлиты бредили рыцарскими идеалами, у нас продолжали сетовать на недостаток образования и грамотности, на деревенскую серость и убогость.

«В XVIII веке после Петра упал кредит на всякие чудеса, курс которых стоял очень высоко в допетровской Руси, – писал историк Д.Л. Мордовцев, – и как долго, однако, держались в народе грубейшие суеверия, посеянные за тысячу лет назад и доселе еще не исчезнувшие»⁷. Народные суеверия, безумно раздражавшие образованную публику, действительно никуда не делись. Лишь с середины XIX в. начались благодатные перемены, отмеченные знатоками русского фольклора вроде М.М. Забылина: «Увидев паровозы, пароходы, телеграфы, фотографии, народ стал понимать тверже, что эти предметы стоят большего внимания, чем какой-нибудь безграмотный колдун и его действия»⁸. Забылин и вся передовая общественность надеялись, что с дальнейшим распространением грамотности и общей воинской повинности⁹ суеверные обряды искоренятся, а крестьяне сделаются «развязнее, бодрее, гуманнее». Эту фразу можно оставить без комментариев – слишком хорошо известно, куда завели наш народ бодрость и развязность.

Но вернемся в эпоху Просвещения. Екатерининские дворяне вместе с М.Д. Чулковым, автором «Словаря русских суеверий» (1782), воодушевленно истребляли ненавистные суеверия, от которых «наибольшая часть земных обитателей... благополучно освободилась». В словаре Чулкова пункт «Суевер» содержал весьма двусмысленную отсылку «см. Христианин». Христианин (то есть суевер), в свою очередь, обвинялся в приверженности к «наружным поступкам и обрядам», в пренебрежении любовью к ближнему.

⁷ Мордовцев Д.Л. Мнимые видения и пророчества. Бытовые очерки XVIII века. М., 1901. С. 48.

⁸ В Англии изобретение фотографии сразу же возбудило интерес к потустороннему миру, а потерпевшие крушение паровозы и пропавшие без вести пароходы вскоре пополнили ряды призрачных феноменов. У нас же наивно полагали, что техника и прогресс полностью исцелят человека от страсти ко всему необычному.

⁹ Пусть читателя не удивляет связь грамотности с повинностью. Другой борец с невежеством, граф Л.Н. Толстой, жаловался на следующее *суеверие* русского народа: «Вместо того чтобы работать, ходят из места в место» («Отец Сергей»).

Калики переходящие.

Картина И.М. Прянишникова (1870).

Неработающие русские «суеверы»

Естественно, разговоры о привидениях в высшем обществе считались дурным тоном. Изредка упоминались лишь поэтические духи сродни бесплотным теням у Оссиана. А.П. Сумароков слышал голос умершей сестры и «зрел ее тень» («На смерть сестры Е.П. Бутурлиной», 1759), а Г.Р. Державин молил Создателя о ниспослании «духа блаженной Ольги» («На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795).

Даже родоначальник русской готической прозы Н.М. Карамзин, подражая англичанам в повести «Остров Борнгольм» (1794), исключил отсюда всех мнимых и настоящих призраков (по правде сказать, довольно нелепых), оставив только «мрачную темницу», дикий пейзаж, вещий сон и средневековый архитектурный фон. Типично готический пейзаж был описан и в повести «Бедная Лиза» (1792): «Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий». Но и здесь нет призраков, более того – осуждаются суеверные поселяне, слышащие стоны мертвой Лизы в опустевшей хижине.

В «Истории Императорской Академии Наук» изложен вещий сон М.В. Ломоносова. Ученый видел своего отца лежащим мертвым на необитаемом острове на Белом море, памятном ему с юности. Узнав, что отец минувшей осенью отправился на рыбную ловлю и с тех пор не возвращался, Ломоносов написал родным о своем видении. Посланные ими холмогорские рыбаки, пристав к указанному острову, отыскали на нем труп Василия Ломоносова.

Частичная реабилитация народных суеверий произошла в начале XIX в. в связи с наступлением эпохи романтизма. В литературных салонах рассказывали таинственные и жуткие истории. «Сегодня наш разговор вращался на рассказах о привидениях, выходах с того света и сверхъестественных явлениях», – отмечал М.А. Корф в дневнике за 1820 г. В готической поэме Г.П. Каменева «Громвал» (1804) присутствовали мертвецы в саванах и скелеты, несущие гроб проклятого колдуна:

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркают, воют, рыкают, свистят,
В исступленном восторге беснуясь, они
Пляшут адскую пляску вокруг гроба его.

Довольно комичная обстановка этой пляски, знакомая нам по произведениям Р. Бернса, дополнена литературными клише о крике петуха, заставляющем исчезать духов, и о мести «теней погибших людей», развращенных волшебником.

Конкуренцию английской готике составлял немецкий романтизм. Их успешно объединил в своем творчестве В.А. Жуковский, уделивший внимание балладам Г. Бюргера, И.В. Гете и Р. Саути. Именно Жуковского следует назвать основателем русской мистической литературы. Вспоминая о впечатлении, произведенном балладой «Людмила» (1808), Ф.Ф. Вигель писал: «Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, – да это все принадлежит к сказкам да разве английским романам... Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он наш вкус? По крайней мере, создал нам новые ощущения, новые наслаждения».

*Воспоминание.
Картина С.С. Соломко (1910).*

Судя по одеждам, дело происходит в старину, но прозрачная дама – любимое привидение романтиков XIX в.

Одобрение критиков вызвало не только грамотное переложение лучших на тот момент образцов европейской мистики, но и обращение к русскому фольклору – недаром следующей вариацией затронутой в «Людмиле» темы стала баллада «Светлана» (1813) с традиционным мертвецом в белом, глядящим «яркими глазами» в зеркало. Эффект от встречи с трупом был слегка подпорчен романтическим голубочком, вспорхнувшим ему на грудь.

На вечерах Жуковского, собиравших ведущих представителей отечественной культуры, подробно обсуждались паранормальные феномены. Сам поэт в статье «Нечто о привидениях» весьма благоразумно призывал не преследовать тайны призраков «своими умствованиями». Однако тут же говорил о «прощальных знаках любви», посылаемых милому человеку.

К сожалению, русский романтизм питал слабость к прекрасным дамам, воркующим из небытия в уши своих возлюбленных. У того же Жуковского незримая дама вдохновляет героя на подвиги: «Сверши один начатое вдвоем» («Голос с того света», 1815), или вселяет в душу «грусть и упоенье» («Привидение», 1823). Женская тень витает над почивающим героем А.И. Полежаева «в виденьях ночи благотворной» («Ночь», 1826). В стихотворении И.И. Козлова «Озеро мертвой невесты» (1832) дама в белом плывет по воде и поет.

Господин Н*** из рассказа О.И. Сенковского «Любовь и смерть» (1834) влюбляется в призрачную Зенеиду, сидящую по ночам у его ног, но не показывающуюся напрасно, дабы «не пугать воображения». Когда же герой проявляет чрезмерную настойчивость, Зенеида демонстрирует ему свой розовый (!) гроб, в котором лежит «обнаженный скелет, с торчащими из праха зубами, с белым костяным челом, безобразно засоренным присохшими клочками волос, с глубокими ямами, налитыми мраком, вместо глаз и щек».

Лугин, герой неоконченной повести М.Ю. Лермонтова «Штосс» (1841), играет в карты с призраком старика, чья ставка – «что-то белое, неясное и прозрачное». Сначала Лугин с отвращением отворачивается, но потом ему предстает «чудное и божественное виденье» – женская головка, воздушно-неземное существо, полное пламенной жизни, но безжалостно унесенное смертью.

Романтические бредни в гораздо меньшей степени присущи авторам, вышедшим из помещичьей среды, или тем, кто подобно А.С. Пушкину и Н.В. Гоголю великолепно знал сельский быт и фольклор. Нельзя не согласиться с Ю.М. Лотманом: «В определенном смысле дворянин-помещик... был по своим привычкам ближе к народу, чем разночинный интеллигент второй половины XIX в., в ранней молодости сбежавший из семинарии и прошедший всю остальную жизнь в Петербурге»¹⁰.

Хозяева сельских усадеб первыми внесли в литературу страх перед чудовищами, населяющими призрачный мир. За это они нередко подвергались обструкции со стороны высокоумных прогрессистов. «Что сказать про образование так называемых мелкопоместных дворян? – задавалась вопросом выбившаяся в передовые люди дворяночка. – Большая часть их дальше Псалтыря и Часослова не шла, а женщины, что называется, и аза в глаза не видели. Прибавьте к этому разные суеверия, веру в ведьм и домовых»¹¹. Другая отщепенка презрительно отзывалась о своих сестрах: «И какие дикие предрассудки были им привиты мамушками и нянюшками: ворожба, гадания, боязнь дурного глаза – все это сильно расстроило их нервы»¹². Она, видимо, не догадывалась, сколь созидательным для русской культуры было нянюшкино воспитание:

¹⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1998. С. 110.

¹¹ Николаева М.С. Черты старинного дворянского быта // Русский архив. 1893. Кн. 3, № 10. С. 118.

¹² Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом // Исторический вестник, 1900. Т. 82, № 11. С. 431.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.